

УДК 291.1

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.78>

Влияние некоторых идей «нового религиозного сознания» на падение Российской империи

С. А. Малимонова

Государственный архив Свердловской области, г. Екатеринбург

Аннотация. Во времена СССР и позднее, вплоть до нынешнего времени, падение Российской империи обычно связывалось с распространением в России марксистских идей, хотя в то время существовали и были популярны и другие идеи – идеи «нового религиозного сознания», изучить влияние которых на падение Российской империи и стало целью данного исследования. Марксистские идеи, распространенные прежде всего среди рабочего и разночинского населения России, были не так популярны среди либеральной интеллигенции, где широкую известность получили другие идеи – направленные сначала на модернизацию РПЦ идеи «нового религиозного сознания», которые постепенно все более и более политизировались. Самыми политизированными из них оказались идеи о неприемлемости взаимоотношений церкви и государства, о религиозной природе революций и о «религиозной ответственности», которые в конце концов превратились в пропаганду неотвратимости революции, необходимости свержения самодержавия и содействие оправданию террора и насилия. Обсуждение этих идей способствовало развитию среди либеральной интеллигенции революционных настроений и подготавливало условия для осуществления Февральской и Октябрьской революций в 1917 г.

Ключевые слова: неохристианство, новое религиозное сознание, революция, террор, свержение самодержавия, религиозная природа революций, религиозная общественность, либерализм, модернизация.

Для цитирования: Малимонова С. А. Влияние некоторых идей «нового религиозного сознания» на падение Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 78–86. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.78>

Мировые события нередко являются не только следствием действия каких-либо политических, экономических факторов, но также могут порождаться общественными дискуссиями, их экспрессивностью или сдержанностью, консенсусом или противоречиями.

У современников часто не было серьезного отношения к возникшему в начале XX в. в среде либеральной интеллигенции «новому религиозному сознанию», «неохристианству», обычно отмечали лишь его религиозно-политическую направленность. Например, В. В. Зеньковский писал, что это «...типичная религиозная романтика, окрашенная очень ярко в “революционно-мистические” тона» [8, с. 430]. С. Л. Франк утверждал: «К числу таких надуманных, искусственно сочиненных дел принадлежит и та новая религиозная политика или политическая религия, которую возвещает небольшая группа литераторов во главе с Д. С. Мережковским» [21, с. 308].

Тем не менее некоторые современные исследователи считают, что идеи этого движения спровоцировали обновленческий раскол в РПЦ [5]. Поэтому также важно проследить, как некоторые идеи деятелей «нового религиозного сознания» оказали влияние на падение Российской империи, хотя основную вину за это обычно приписывают марксистским идеям.

Российская империя, представлявшая собой самодержавное государство, находилась в начале XX в. в условиях балансирования между традиционализмом и модернизмом: «К началу двадцатого века перед Россией встал вызов осуществления модернизации. Нужно было, соответственно, ее идеологическое обоснование. Прежняя идеология христианского имперостроительства в новых реалиях уже не работала. Требовалась ее модификация, соединение религиозных ценностей с ценностями развития» [1]. В таких условиях в консервативных кругах даже Николай II, царь-самодержец, нередко воспринимался как либерал, не выполняющий свою главную задачу поддерживать традицию, как писал теоретик монархизма начала XX в. Лев Тихомиров о Николае II: «Он просто с первого дня начал, не имея даже подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего, и, конечно, даже не понимал этого... С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционного, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого, прекраснородушного типа, абсолютно не понимающего законов жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская нравоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого «просвещения» с полным незнанием, что такое просвещение. И вот началась за чепухой чепуха, началось все распадаться то внутри, то извне...» [Там же].

Группа участников религиозно-философских собраний 1901–1904 гг. (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфов, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов и др.), которые и стали «теоретиками нового религиозного сознания» [4, с. 312], разрабатывали в своем творчестве несколько тем о модернизации христианства: о возможности приблизить христианство к «земле», об «освящении культуры», о «святой плоти», о свободе и творчестве, о сакральности пола, о христианском гнозисе, о Третьем Завете, новом эоне и др. Одними из важных тем «неохристианства» были политизированные темы о неприемлемости взаимосвязи церкви и государства, религиозной природе революций и новой «религиозной общественности».

Тема о неприемлемости взаимосвязи церкви и государства в России рассматривалась и в контексте незаконности поглощения РПЦ государством, и в контексте сращивания православия и самодержавия.

Д. С. Мережковский, как и поддерживающие его З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфов (триумvirат), сначала считал, что единство православия и самодержавия – явление естественное и гармоничное, однако в дальнейшем, отдалившись от РПЦ и создавая свое учение о Третьем Завете, новой церкви «Святого Духа», построении Царства Божиего на земле, он уже утверждал, что со времен императора Константина произошла подмена христианства кесарианством [13]. Он выступал против самодержавия, равно как и против РПЦ, заявляя, что «...русская монархия – узаконенное беззаконие, застывший террор, обледене-

лая анархия...» [14, с. 348], но, поскольку она поддерживается Русской церковью, Россия, по его мнению, стала царством Зверя, «...и нигде в мире царство Зверя не было таким свирепым, безбожным и кощунственным, как именно здесь, в русском самодержавии» [14, с. 330]. Развивая свое учение о Третьем Завете, Мережковский предполагал, что государство в «тысячелетнем царствии святых на земле» должно превратиться в церковь [11, с. 59], потому что «...должно исполниться пророчество о некоторой всемирной теократии, упраздняющей, как уже ненужные и отжившие, все исторические формы государственности, все мирские власти, законы, царства, начальства», в «Новом Граде Божиим... все – цари и священники, а единый Царь царей и Первосвященник – сам Господь» [11, с. 62].

Н. А. Бердяев признавал государство, но считал любое государственное начало «злым и безбожным» [2, с. 41], он заявлял, что никакого «освящения государства» православием не произошло, что самодержавие и христианство противоречат друг другу, а соединение их «кощунственно»: «Идея Кесаря, взятая в отвлеченной, самодовлеющей форме, есть поклонение «князю» мира сего и мечу его, обожение человека вместо Бога» [2, с. 37], «...Христос скорее осудил ... все «кесарево», так как для Христа, конечно, только «Божье» было хорошо и все должно было быть «Божье» [2, с. 34]. Хотя в православном вероучении фраза «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21) обычно объясняется только как разделение Христом светской и религиозной сфер влияния. Бердяев высказывался против самодержавия: «Абсолютное самодержавное государство – человековластие одного – есть самая совершенная и крайняя форма воплощения «царства князя мира сего», это предельная форма человеческого самообоготворения, к которой всегда будет тяготеть всякое человековластие» [2, с. 42]. Он противопоставлял самодержавию и государственности право, которое считал «свободой» в отличие от государства, несущего, по его мнению, насилие: «...право – голос Божий в личности, государство – безлично и в этом безбожно» [2, с. 46]. Интересно, что деятели «нового религиозного сознания» называют царя-самодержца «князем мира сего», тогда как в православном вероучении так называют Антихриста.

Таким образом, государство и существующую в России «историческую» церковь деятели «нового религиозного сознания» обычно раскрывали как единое образование, усматривая их «метафизическую связь» и выступая против православия, за создание новой религии Третьего Завета, одновременно они выступали и против самодержавия.

Тема о религиозной природе революций связана в «новом религиозном сознании» как с отрицанием существующего «исторического» христианства и созданием новой религии, так и с отрицанием имперской власти.

Мережковский считал христианство революционной религией, так как оно способствовало замене одной религии другой. И поскольку Французская революция привела к отделению церкви от государства, также, по мнению Мережковского, старая религия должна замениться новой религией Третьего Завета [12]. При этом он говорил о «новых мучениках» – революционерах: «Избранные есть уже и теперь как в русском народе, так и в русском обществе – это

все... мученики революционного и религиозного движения в России. Когда эти два движения сольются в одно, тогда Россия выйдет из Православной Церкви и самодержавного царства во Вселенскую Церковь Единого Первосвященника и во вселенское царство Единого Царя – Христа» [12, с. 92]. Мережковский даже приписывал некое подобие святости конкретным революционерам Фрумкиной и Бердягину [16, с. 50].

Бердяев считает, что революция необходима для распада российского империализма: «Под распадением империализма я понимаю, конечно, не уничтожение всякой формы государственности, а крушение религиозно-метафизической идеи Русской Империи...» [2, с. 39]. Считая право «свободой», данной Богом, он заявляет о необходимости признать «право революции», которое предполагает «...обязанность всякого сознательного существа ставить закон Божеский выше закона человеческого, это – суд абсолютного права над относительным государством, сверхчеловеческой воли над волей человеческой» [2, с. 46].

А. А. Мейер, разрабатывавший в рамках «нового религиозного сознания» идеи религиозно-мистического анархизма [9, с. 11], предложил радикальную идею синтеза религии и социальной революции. Он считал, что революционные коммунистические и социалистические взгляды сходны с религиозными.

Таким образом, выступая против православия и самодержавия, признав, что революция и религия взаимосвязаны, деятели «нового религиозного сознания» доказывали необходимость революции для России и даже предполагали появление новых «святых» мучеников-революционеров.

Однако политические взгляды деятелей «нового религиозного сознания» были разными, не только марксизм, от экономических доктрин которого многие деятели отошли в сторону религиозно-философского осмысления бытия, повлиял на формирование их мировоззрения. Д. С. Мережковский интересовался идеями кадетов, эсеров, анархическими, марксистскими взглядами, «мистическим атеизмом» и «безвластием» [10, с. 98–99]. Н. А. Бердяев в ранние годы увлекался марксистскими идеями, Н. М. Минский и А. А. Мейер имели связи среди большевиков и сотрудничали с ними до и после революции 1917 г. Мейер в студенческие годы посещал марксистские кружки, за пропаганду марксистских идей даже отбывал ссылку в Туркестане.

Тема создания новой «религиозной общественности» в противовес «исторической» церкви предполагала поиск ее у разных групп: среди «богомольцев, странников, учителей разных вер» [20, с. 34–35], среди русской интеллигенции – «аристократов мысли» [17, с. 223], а также и среди революционеров, в частности эсеров-бомбистов [16], и др. Мережковский, Гиппиус и Философов поддерживали знакомство и вели переписку с террористом, руководителем Боевой организации эсеров Б. В. Савинковым [6, с. 54], во многом поддерживая его мировоззрение.

Однако к террору и революции у деятелей «нового религиозного сознания» отношение неоднозначное.

Протоиерей В. П. Свенцицкий, поддерживая триумvirат, считал левые партии наиболее близкими к Христу, так как они «...любят всем своим челове-

ческим сердцем... бросают все свое личное благополучие и беззаветно отдаются служению народу» [7, с. 27].

Бердяев сначала поддерживал революцию, после Февральской сотрудничал с Временным правительством, затем, после Октябрьского переворота, полностью отказался от этого. Кроме того, он высказывался и против народовластия: «В формальном принципе народовластия, при полном торжестве народной воли, нет еще никаких гарантий, что свобода восторжествует, что права человека будут свято чтиться, что личность человеческая не будет обращена в простое средство» [6, с. 48]. Он признает народовластие только в теократическом государстве в новом метаисторическом эоне «эра Святого Духа». Бердяев также считал, что «гуманистическая сторона революции, освобождение человека от рабства, утверждение прав человека и безусловного значения лица человеческого есть часть богочеловеческой правды. Но отвлеченный, самоутверждающийся в своей исключительности гуманизм, гуманизм, обоготворяющий человеческую стихию, переходит не только в безбожие, но и в бесчеловечие. Революционеры, гуманисты и атеисты слишком часто с бесчеловечной жестокостью борются за человека, не уважают человеческой личности, опустошают человеческую душу... Отвергнуть Бога и Богочеловека – это значит вместе с тем отвергнуть человечество и человека как идею Божью» [3, с. 36–37].

Розанов выступал против терроризма [18], против создания религиозного ореола мученика у революционеров и против революции: «Молодая русская гражданственность увядает и засыхает среди этих подлейших убийств из-за угла, трусливых, ибо в девяти случаях из десяти они проходят безнаказанно – убийств, столь же безличных, бессудных, беспричинных, какие были совершенны и в Варфоломеевскую ночь... И это зверье обещает России что-то «новое»... из ваших гнусных рук Россия не захочет ничего принять... С висельниками не разговаривают, подлецу руки не протягивают» [19]. Минский, до 1917 г. симпатизируя большевикам, тем не менее заявлял: «...идеал социалистов есть тот же мещанский идеал предметного благополучия... Они для себя правы, но не от них придет новая правда» [15, с. 288], «в кругу предметообожения я не вижу ни одного элемента нравственного возрождения» [15, с. 292]. У Мейера, симпатизировавшего марксизму и участвовавшего в революциях 1917 г., идея «религиозной общности» преобразовалась в идею «живого богообщения», т. е. объединения людей в некоем «мистическом экстазе» поиска Откровения, новой Пятидесятнице [9, с. 95]. Он утверждал, что единение личности с Христом возможно только через сохранившую живое предание Вселенскую Церковь в некоем грядущем, по его мнению, «синтезе коллективизма ... и христианства» [9, с. 14].

Таким образом, идея о «религиозной общности» у одних деятелей «нового религиозного сознания» была согласована с идеями революции и террора, другие полностью или частично отвергали революцию и террор.

Политизированные идеи «нового религиозного сознания» о недопустимости взаимосвязи православия и самодержавия, о религиозной природе революций и новой «религиозной общности» были широко обсуждены на заседаниях Религиозно-философского общества 1907–1909 гг. [4] и стали известны большинству представителей русской интеллигенции: «В ПРФО бывали ака-

демические профессора, магистры и кандидаты богословия, духовенство, студенты академий. В этом смысле Общество являлось представительным органом общественной мысли...» [4, с. 308]. Все это создавало благоприятные условия для развития революционных настроений среди российской интеллигенции начала XX в., в том числе среди думской и военной верхушки. Как отмечают историки И. В. Воронцова [4, с. 323] и Д. А. Головушкин, «...к рубежу 1910–1911 гг. сама дискуссия о религиозно-историческом смысле русской революции, ее религиозных целях и задачах, а также возможности «христианско-политического посредничества» между религией и политикой фактически зашла в тупик» [7, с. 27]. Тем не менее эти идеи были уже достаточно разработаны и среди русской интеллигенции, особенно либеральной, очень популярны.

Итак, некоторые политизированные идеи «нового религиозного сознания», получившие широкую известность среди русской интеллигенции, были напрямую связаны с необходимостью ниспровержения монархии и осуществления революции.

1. Идея о недопустимости взаимосвязи церкви и государства практически привела к идее о необходимости свержения самодержавия.

2. Идея о религиозной природе революций практически превратилась в идею о неизбежности революции в России.

3. Идея о новой «религиозной общественности» способствовала оправданию террора и насилия и создавала ореол «святости» для новых мучеников-революционеров.

Таким образом, не только марксистские идеи, широко распространенные прежде всего среди рабочего и разночинского населения России, но и идеи «нового религиозного сознания», широко известные среди интеллигенции, способствовали развитию общественно-политического движения в России и подготовке условий для осуществления Февральской и Октябрьской революций в 1917 г.

Список литературы

1. Багдасарян В. Э. Почему рухнула Российская империя? Уроки для современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/docconf/pochemu-ruhnula-rossiyskaya-imperiya-uroki-dlya-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 14.05.2018).
2. Бердяев Н. А. Государство // Новое религиозное сознание и общественность. СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1907. С. 90–126.
3. Бердяев Н. А. Русские богоискатели // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии 1907–1909 г. СПб. : Тип. товарищества «Обществ. польза», 1910. С. 28–39.
4. Воронцова И. В. Новое религиозное сознание и «неохристианство» (дискуссия в Петербургском религиозно-философском обществе в 1907–1909 гг.) // Христиан. чтение. 2017. № 2. С. 307–324.
5. Воронцова И. В. Религиозно-философские истоки обновленческого раскола (1917–1923 гг.) // Нов. ист. вестн. 2007. № 16. С. 112–119.
6. Воронцова И. В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX в. М. : ПСТГУ, 2008. 424 с.

7. Головушкин Д. А. Русская революция и ее религиозно-исторический смысл в полемике церковных и внецерковных реформаторов начала XX в. // Вестн. Север. (Аркт.) федер. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 23–29.
8. Зеньковский В. В. Мережковский, его идеи // Д. С. Мережковский: pro et contra / сост. и вступ. ст., коммент., библиогр., А. Н. Николокина. СПб. : РХГИ, 2001. С. 338–341.
9. Мейер А. А. Философские сочинения. Париж : La Presse Libre, 1982. 490 с.
10. Мережковский Д. О новом религиозном действии. Открытое письмо Н. Бердяеву // Мережковский Д. Больная Россия. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 419–438.
11. Мережковский Д. Теперь или никогда // Мережковский Д. Больная Россия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 46–72.
12. Мережковский Д. С. Революция и религия // Мережковский Д. Не мир, но меч. Полн. Собр. соч. Т. 10. СПб. ; М. : Изд. товарищества М. О. Вольф, 1911. С. 34–87.
13. Мережковский Д. С. Христианство и кесарианство // Мережковский Д. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М. : Сов. писатель. 1991. С. 127–133.
14. Мережковский Д. С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М. : Сов. писатель, 1991. С. 310–349.
15. Минский Н. М. Религия будущего. Философские разговоры. СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1905. 302 с.
16. Павлова М. М. Мученики великого религиозного процесса // Царь и Революция / Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов. М. : ОГИ, 1999. С. 7–56.
17. Пахмусс Т. А. Творческий путь Зинаиды Гиппиус // Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 215–235.
18. Розанов В. В. Сентиментализм и притворство как двигатели революции [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_santimentalizm_i_pritvorstvo.html (дата обращения: 14.05.2018).
19. Розанов В. В. Что же нам делать? [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_что_же_нам_делат.html (дата обращения: 14.05.2018).
20. Савельев С. Н. Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX в. Историко-религиоведческий очерк. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 184 с.
21. Франк С. О так называемом «новом религиозном сознании» // Д. С. Мережковский: pro et contra / сост. и вступ. ст., коммент., библиогр., А. Н. Николокина. СПб. : РХГИ, 2001. С. 307–312.

Impact of “New Religious Consciousness” Ideas on the Collapse of the Russian Empire

S. A. Malimonova

State Archive of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg

Abstract. In the days of the USSR and later, up to the present time, the collapse of the Russian Empire was usually associated with the spread of Marxist ideas in Russia. In the beginning of the 20th century though there were also popular ideas of «new religious consciousness». The purpose of this investigation is to study the impact of those ideas on the collapse of the Russian Empire. Marxist ideas were widespread among workers and raznochintsy in Russia. Among the liberal intelligentsia other ideas were more popular – the ideas of «new religious consciousness», which were primarily aimed at modernizing the ROC. Gradually, the ideas of «new religious consciousness» became increasingly politicized. The most politicized of the ideas were those of the unacceptability of the relationship between the Church and the state, the religious nature of revolutions and the «religious community». These ideas eventually turned into promotion of the ideas of inevitability of revolution and the need to overthrow the autocracy and justification of terror and vio-

lence. The discussion of these ideas encouraged spread of revolutionary sentiments among the liberal intelligentsia and laid foundation for the February and October revolutions in 1917.

Keywords: neo-Christianity, new religious consciousness, revolution, terror, overthrow of autocracy, religious nature of revolutions, religious community, liberalism, modernization.

For citation: Malimonova S.A. Impact of "New Religious Consciousness" Ideas on the Collapse of the Russian Empire. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 24, pp. 78-86. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.78> (in Russian)

References

1. Bagdasaryan V.E. Pochemu rukhnula Rossiyskaya imperiya? Uroki dlya sovremennoy Rossii [Why did the Russian Empire collapse? Lessons for modern Russia]. Available at: <http://rusrand.ru/docconf/pochemu-ruhnula-rossiyskaya-imperiya-uroki-dlya-sovremennoy-rossii> (date of access: 14.05.2018). (in Russian)
2. Berdyaev N.A. *Gosudarstvo* [The state]. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and the public]. St. Petersburg, Izdanie M.V. Pirozhkova, 1907, pp. 90-126. (in Russian)
3. Berdyaev N.A. *Russkie bogoiskateli* [Russian God-seekers]. *Dukhovnyy krizis intelligentsii. Stat'i po obshchestvennoy i religioznoy psikhologii 1907-1909* [Spiritual crisis of the intelligentsia. Articles on social and religious psychology 1907-1909]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1910, pp. 28-39. (in Russian)
4. Vorontsova I.V. *Novoe religioznoe soznanie i «neokhristianstvo» (diskussiya v Peterburgskom religiozno-filosofskom obshchestve v 1907-1909 gg.)*. *Khristianskoe chtenie*, 2017, no. 2, pp. 307-324. (in Russian)
5. Vorontsova I.V. *Religiozno-filosofskie istoki obnovlencheskogo raskola (1917-1923 gg.)*. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2007, no. 16, pp. 112-119. (in Russian)
6. Vorontsova I.V. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' v nachale XX v.* [Russian religious and philosophical thought in the early twentieth century.] Moscow, PSTGU Publ., 2008, 424 p. (in Russian)
7. Golovushkin D.A. *Russkaya revolyutsiya i ee religiozno-istoricheskiy smysl v polemike tserkovnykh i vnetserkovnykh reformatorov nachala XX v.* [The russian revolution and its religious-historical meaning in the polemics of ecclesiastical and nondenominational reformers of the early 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 23-29. (in Russian)
8. Zen'kovskiy V.V. *Merezhkovskiy, ego idei* [Merezhkovsky, his ideas]. *D.S. Merezhkovskiy pro et contra* [Merezhkovsky pro et contra]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 338-341. (in Russian)
9. Meyer A.A. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings]. Paris, La Presse Libre, 1982, 490 p. (in Russian)
10. Merezhkovskiy D. *O novom religioznom deystvii. Otkrytoe pis'mo N. Berdyaevu* [About a new religious action. Open letter to N. Berdyaev]. *Bol'naya Rossiya* [The sick Russia]. Leningrad, Leningrad Universitet Publ., 1991, pp. 419-438. (in Russian)
11. Merezhkovskiy D. *Teper' ili nikogda* [Now or never]. *Bol'naya Rossiya* [The sick Russia]. Leningrad, Leningrad Universitet Publ., 1991, pp. 46-72. (in Russian)
12. Merezhkovskiy D.S. *Revolutsiya i religiya* [Revolution and religion]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 10. St. Petersburg, Moscow, M.O. Vol'f Publ., 1911, pp. 34-87. (in Russian)
13. Merezhkovskiy D.S. *Khristianstvo i kesarianstvo* [Christianity and Caesarianism]. *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let* [In a quiet whirlpool. Articles and studies of different years]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1991, pp. 127-133. (in Russian)
14. Merezhkovskiy D.S. *Prorok russkoy revolyutsii (K yubileyu Dostoyevskogo)* [The Prophet of the Russian Revolution (To Dostoyevsky's Anniversary)]. *V tikhom omute. Stat'i i issledo-*

vaniya raznykh let [In a quiet whirlpool. Articles and studies of different years]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1991, pp. 310-349. (in Russian)

15. Minskiy N.M. *Religiya budushchego. Filosofskie razgovory* [Religion of the future. Philosophical conversations]. St. Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1905, 302 p. (in Russian)

16. Pavlova M.M. Mucheniki velikogo religioznogo protsesssa [Martyrs of the great religious process]. *Merezhkovskiy D.S., Gippius Z.N., Filosofov D.V. Tsar' i Revolyutsiya*. [Merezhkovsky D.S., Gippius Z.N., Filosofov D.V. The King and the Revolution]. Moscow, OGI Publ., 1999, pp. 7-56. (in Russian)

17. Pakhmuss T.A. Tvorcheskiy put' Zinaidy Gippius [The creative path of Zinaida Gippius]. *Zinaida Gippius. Novye materialy. Issledovaniya* [Zinaida Gippius. New materials. Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, 384 p. (in Russian)

18. Rozanov V.V. Sentimentalizm i pritvorstvo kak dvigateli revolyutsii [Sentimentalism and pretense as engines of revolution]. Available at: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_santimentalizm_i_pritvorstvo.html (date of access: 14.05.2018). (in Russian)

19. Rozanov V.V. Chto zhe nam delat'? [What do we do?] Available at: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_chto_je_nam_delat.html (date of access: 14.05.2018). (in Russian)

20. Savel'ev S.N. *Ideynoe bankrotstvo bogoiskatel'stva v Rossii v nachale XX v. Istoriko-religiovedcheskiy ocherk* [The ideological bankruptcy of God-seeking in Russia in the early twentieth century. Historical and religious studies]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1987, 184 p. (in Russian)

21. Frank S. O tak nazyvaemom «novom religioznom soznanii» [On the so-called «new religious consciousness»]. D.S. *Merezhkovskiy: pro et contra* [D.S. Merezhkovsky: pro et contra]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 307-312. (in Russian)

Малимонова Светлана Алексеевна
реставратор

*Государственный архив
Свердловской области
Российская Федерация, 620014,
г. Екатеринбург, ул. Вайнера, 17
тел.: 8(343)3763103
e-mail: echo-c@mail.ru*

Malimonova Svetlana Alekseevna
Conservation Professional

*State Archive of the Sverdlovsk Region
17, Vainer st., Ekaterinburg, 620014,
Russian Federation
tel.: 8(343)3763103
e-mail: echo-c@mail.ru*

Дата поступления: 20.05.2018

Received: May, 20, 2018